

«на Москве» при Нектарии явно ошибочно приурочено к 1600/01 г. (Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 353. Примеч.).

Сурина М.В.
(Нижний Тагил)

Материалы всесоюзных переписей населения как источник по изучению этнодемографических процессов на Урале

Этнодемографическое развитие Уральского региона – одна из актуальнейших тем современных региональных исследований. В качестве основного источника исследователи привлекают материалы переписей населения, позволяющие проследить целый комплекс этнических процессов в динамике. Можно выделить целый ряд преимуществ данного источника. Во-первых, это всеобщность охвата населения, т.е. учет каждого жителя без исключения. Однако определенная погрешность все же существует, поскольку население на момент переписи продолжает находиться в постоянном движении. Во-вторых, перепись проводится по единой программе и единым правилам на всей территории, охватываемой переписью. Это облегчает сопоставление итогов переписи между областями и республиками внутри рассматриваемого региона, а также данные по региону с общероссийскими данными. Единая программа позволяет сопоставить итоги нескольких переписей и выявить динамику того или иного процесса. В-третьих, сведения берутся непосредственно у населения. Это позволяет максимально точно определить этнический состав населения, опираясь не на документ, где указана этническая принадлежность, а на реальное этническое самоопределение человека.

Для изучения изменений в этническом составе населения и этнокультурного развития большую ценность представляют статистические таблицы «Распределение населения по национальности и родному языку», «Распределение населения по национальности и второму языку», «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР», «Распределение всего и занятого населения отдельных национальностей по возрасту и уровню образования», входящие в состав переписных форм фактически всех переписей XX века. Эти статистические данные позволяют проследить взаимосвязь этнодемографических процессов с состоянием этнокультурного развития населения, с уровнем знания национальных языков.

В частности, таблица «Распределение населения по национальности и родному языку» содержит статистическую информацию об общей численности представителей различных этнических групп и численности из них людей, считающих свой национальный язык родным. Эти данные позволяют

выявить этнический состав населения и уровень владения своим языком, уровень развития этнического самосознания (1).

Форма «Распределение населения по национальности и второму языку» использовалась при переписи населения 1970, 1979 и 1989 гг., причем в 1970 г. формы «Распределение населения по национальности и родному языку» и «Распределение населения по национальности и второму языку» были слиты в одну. Эта таблица дополняет картину этноязыкового развития населения Урала, поскольку приводит данные о развитии билингвизма в регионе, о владении вторым языком – русским либо национальным – не в качестве родного. Таким образом, выявляется уровень функционирования национальных языков в рамках семьи, что очень важно в условиях, когда основным языком общения в социально-профессиональной сфере является русский. Сравнение данных этой таблицы с данными таблицы «Распределение населения по национальности и родному языку» выявляет уровень этнического самосознания населения различных этнических групп (2).

Большой интерес представляет статистика, позволяющая проследить в динамике процесс втягивания ранее изолированных нерусских этносов в социальную жизнь страны, определить начало этого процесса, уровень восприятия новых социальных реалий населением различных возрастных групп. В программах переписей данная форма фигурирует под названием «Распределение всего и занятого населения отдельных национальностей по возрасту и уровню образования» (3).

Материалы переписей могут также дать информацию об особенностях профессионального самоопределения представителей различных этнических групп, и, соответственно, дает возможность проследить влияние традиционных способов хозяйствования на выбор профессиональной сферы. Этнические особенности хозяйствования отражены в таблицах «Распределение населения отдельных национальностей по источнику средств существования и общественным группам», «Распределение занятого населения отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства» и «Распределение населения отдельных национальностей по занятиям». В 1959 г. все три таблицы были объединены в одну – «Распределение населения, имеющего занятия, по общественным группам, отраслям народного хозяйства и национальностям». Население наиболее крупных этнических групп было распределено по общественным группам: рабочие, служащие, колхозники, кооперированные кустари, крестьяне-единоличники, некооперированные кустари, лица свободных профессий, служители культа. Население каждой общественной группы распределялось по отраслям народного хозяйства и нескольким этническим группам (4).

В программах следующих переписей эта форма была разделена на три - «Распределение населения отдельных национальностей по источнику средств существования и общественным группам», «Распределение занятого населения отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства» и

«Распределение населения отдельных национальностей по занятиям» - и количество общественных групп сократилось до трех: рабочие, служащие и колхозники. Остальные, занимавшиеся индивидуальной трудовой деятельностью и служители культа, были объединены с лицами, не указавшими общественную группу. По источнику средств существования население подразделялось на занятое, занятое в личном подсобном хозяйстве, пенсионеров и лиц, получавших ежемесячное государственное пособие, стипендиатов, иждивенцев отдельных лиц, прочих лиц, находившихся на обеспечении государства и лиц, имеющих иной источник средств существования. При этом учитывалось население всего трех наиболее крупных этнических групп – русские, татары и украинцы (5). В таблице «Распределение населения отдельных национальностей по занятиям» были выделены 46 видов занятий, разделенных на отдельные профессии. Также учитывалось население только русской, татарской и украинской национальностей (6).

Одной из наиболее сложных проблем является проблема выявления этнических аспектов естественного движения населения. Поскольку перепись населения проводилась с довольно большим интервалом (от 10 до 20 лет), проследить с максимальной точностью динамику рождаемости, смертности, детности, брачности не представляется возможным. Программы переписей населения XX века включали в себя ряд форм, позволяющих хотя бы в общих чертах выявить этнические особенности половозрастного состава («Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту»), брачности («Распределение населения отдельных национальностей по состоянию в браке, полу и возрасту») и удельный вес межэтнических браков («Распределение семей по их размеру и национальности членов семей»). Но большинство этих форм содержат данные лишь по 2-3 наиболее крупным этническим группам, что не позволяет в полной мере определить особенности межэтнической брачности и этнические особенности рождаемости.

Материалы переписей населения – это основной и наиболее ценный источник, позволяющий максимально полно отразить особенности этнодемографических процессов, однако некоторые аспекты этих процессов все же остаются «в тени». Ряд аспектов, в частности, этнический состав мигрантов и направления их миграции, можно изучить на основании текущей статистики. Но динамика межэтнической брачности, этнические аспекты рождаемости в материалах переписей населения прослеживается слабо, а текущей статистики, отражающей эти процессы, нет. В программу последней переписи населения 2002 г. не была включена форма «Распределение населения по национальности и второму языку», что делает более проблематичным анализ уровня функционирования русского или национального языка среди нерусского населения региона.

1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б, 1566-в, 6192, 6195, 6197, 6199, 6202, 6203; Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Форма 9с.

2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6192, 6195, 6197, 6199, 6202, 6203; Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Форма 10с.
3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3031, 3034, 3036, 3038, 3042, 3044, 3048, 7176, 7181, 7182, 7184, 7187, 7188, 7195; Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Форма 32с «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Свердловская область. Перепись 1989 г.»
4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1976, 2005, 2008, 2019.
5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5523, 5524, 5525, 7437, 7438, 7439, 7440, 7441, 7442; Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Форма 34б «Распределение населения отдельных национальностей по источнику средств существования и общественным группам. Свердловская область. Перепись 1989 г.»
6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5508, 5513, 7487, 7492, 7493, 7496, 7499, 7500, 7506; Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Форма 34б «Распределение населения отдельных национальностей по занятиям. Свердловская область».

Сухоносова С.В.
(Екатеринбург)

Возникновение торфяного отопления в Екатеринбурге в конце XIX – начале XX вв.

Для Екатеринбурга рубежа XIX-XX вв., как и для многих других российских городов того времени, была актуальна проблема недостатка «строительного и дровяного леса» для нужд городских жителей. С ростом города росли и потребности населения, но городская застройка оставалась преимущественно деревянной, а отопление — печным.

По расчетам Екатеринбургской городской управы, необходимое для города количество дров составляло: в 1873 г. — 30 тыс. куб. саж. в год, в 1878 г. — 69 тыс. куб. саж. (1), а в 1917 г. — уже 170 тыс. куб. саж. (2) (то есть, с 1873 по 1917 гг. возросло в 5,6 раз).

Между тем значительно увеличить вырубку леса Екатеринбургское самоуправление не могло: городская лесная дача, находившаяся на территории городского выгона, была относительно небольшой, ее ресурсы — ограниченными; запасы леса в казенных горнозаводских лесных дачах (Нижне-Исетской, Березовской и др.) постепенно истощались (3).

Цены на дрова в Екатеринбурге были нередко выше, чем в соседних городах (кв. сажень дров в 1874 г. в среднем стоила около 1 руб. 50 коп., в 1877 г. уже 2 руб. 50 коп. (4); в 1915 г. городская управа установила «потолок цен» на дрова от 8 до 9 руб. за кв. саж. (5)), что было тяжело не только для городской бедноты, но и для жителей со средним достатком.